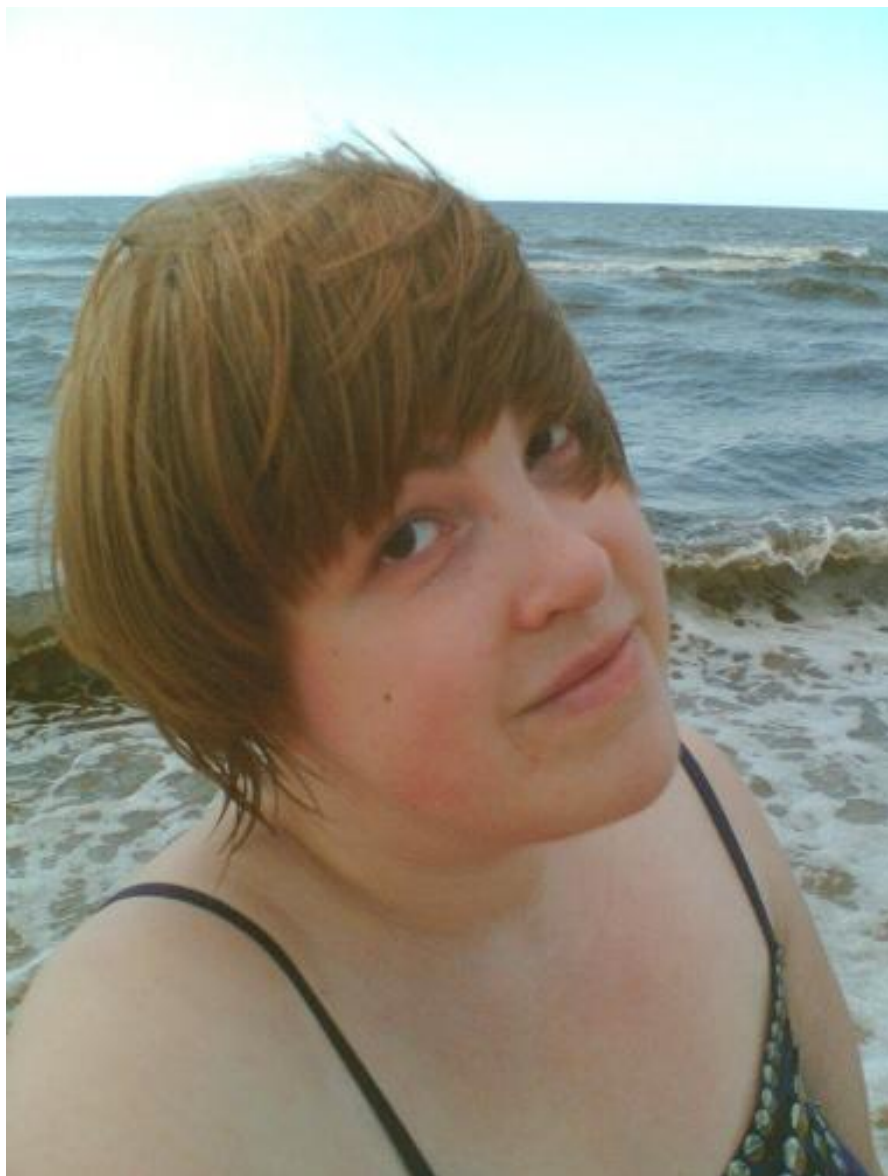

Лауреат Международного литературного конкурса "1-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2012". Живет в Саулкрасты (Латвия).

Янка

Янка — мой бывший парень — латышский филолог.
Устроился было работать в среднюю школу,
смеялся: «Я детей не боюсь!»

Но — Латвия вступила в Евросоюз,
и уйма народа свалила в туманные дали.
В Англию, то бишь. Что-де они видали

в Латвии? Серость, безденежье, скукота.

А там, где нас нет, — как минимум всё не так.

Хотя госязык у нас неизменно в моде,
он, как ни крути, не особо-то и доходен,
коль скоро носитель его не стремится в Сейм.

Отверг филологию Янка. Сказал — насовсем.
Забрал документы из школы. Уехал в Лондон.
И — был на первых порах собою доволен,
хотя за границей он — очень даже прораб.

Родня — осталась. И Айне — Янкиной матери —
тычут в спину, что сын её стал предателем.
Мол, патриотом его воспитать могла б.

Айна держится гордо. Не роняет ни жеста, ни слова.
Ей бы косы по пояс, ей бы в эпос средневековый —
к тем дочерям народа, от чьего горделивого взгляда
замертво падали чужеземцы в железных латах!

Не то чтобы я особенно дорога ей.
Скорее, к разговору располагает
моё умение тактично подставить плечо.
И мы запиваем февральские будни чаем,
и Айна Янкины письма вслух изучает,
а я — молчок.

«Мама, тут каждый пятый — не латыш, так литовец,
да не про нас — дома богатых невест.
А знаешь, я почти научился готовить...»

«Ах, Лиене, он же там ничего не ест!»

И — в слёзы. А я же сильная, я большая,
жму красную полную руку и утешаю:
«Не плачьте, не надо! Послушайте, Айнас танте*!
Он умный, он справится, вы только время дайте —
глядишь, богачом вернётся наш гастарбайтер!
Вернётся — женатым!
Не плачьте... не надо...»

И врала б я, что только о судьбах Родины думаю —
да поди замолчи, поди затопчи беду мою!
Как я ревела белугой в аэропорту!

Пальцы вцеплялись в Янкину куртку, немея.
Вглядывалась в безнадежную высоту —
так, что потом болели глаза и шея.
Ночи мои бессонны, а дни — суровы:
точит меня изнутри возвращённое Янкой слово.

Мне бы больше не плакать, мне бы голову друга гладить,
перебирать бы пальцами выгоревшие пряди.
Да чтобы наши объятия были крепки.
Всего-то!

Какие мы, Янка, болванские идиоты,
какие мы кретинские дураки!

** тётя Айна (латышск.)*

Сарма

Помнишь, Сарма, наивную хитрость восьмидесятых?
Всё язычество строго-настроено запрещено,
вот и Лиго — будний день, а не красная дата, —
только люди упрямо празднуют всё равно.
Продают на рынке венки из дубовых веток —
каждый Янис обязан гордо ходить в таком! —
и венки из бумажных маков да роз для деток.

Помнишь, Сарма, — ты хватаешь венок рукой?
Эти розы — настоящей всех настоящих,
ты же слышишь, Сарма, — они о тебе поют.
Но подходит мама — и тянет-уводит-тащит,
и заводит вечную, нудную песню свою:

«Для того ли я уехала из села,
чтобы ты носила этот веночек жалкий?
Хватит с нас, пожалуй, мамы-провинциалки!
Будь, моя королева, нежна-мила-весела:
я куплю тебе алое платье, куплю обувь...
Что ты дуешься, Сарма, что поджимаешь губки?»

Ты забыла рынок, Сарма, — но помнишь розу,
что горит в тебе — почище иной любви:
непонятная, смутно-больная мысль-заноза.
Что живые цветы? — выращивай или рви —
ни один цветок не стал тебе осью мира.
Даже тот, что позволил Янке услышать «да».

«Что поделаешь — мне никто не поможет, милый.
Значит... значит, надо самой её воссоздать!»

У тебя поэзия, проза, премии, гранты,
и твоих поклонников, Сарма, не перечесать.
Отчего же сердце, Сарма, — ранка на ранке,
отчего твой муж опять не с тобой, не здесь?

«Я тебя кроила, роза, по лепесточку,
каждый день тебе отдавала, каждую ночь,
чтобы ты вырастала, чтобы тянулась ввысь.

Отчего мне опять так смутно, неверно-неточно,
отчего я опять вернулась в исходную точку?

Что забыла я, глядя и глядя на белый лист?»

Говорила тётка

Говорила тётка: главное в суженом не богатство, не сила, не ум недюжинный, не краса
лица, не искристый пыл.

Говорила: главное, чтоб любил.

--

Как любил меня первый друг — не сказать словами. Да на что слова, когда в глазах —
ликованье? Не морочьте, разумники, голову — ну и что же, ну и пусть он бабник,
пьяница и картёжник. На руках носил, а деньги носил из дома. Как ему не простить,
такому — совсем родному? Как его не тащить из бара домой под руки?

И прощала, пока не нашла в постели подруги.

--

Как второй любил меня — полураздетый, на столе лаборатории, на полу кабинета.
Поначалу дарил ежедневники, ручки да маркеры, на гламурной гелевой ручке я и
заплакала. Говорила, как я люблю серебро и золото — он пришёл назавтра, как будто
стукнутый молотом. Извинялся: слишком интимное, будешь ли рада?

И всучил футляр для помады.

--

Как любил меня третий, я, честно, забыть постаралась. Запах тела — нет, донника,

глупая моя радость. Помню вечные злые придирки к стихам да куклам, не смотри на него слишком много, не охни, не пукни. Ненавижу донник: выросла долго да больно.

А лица его я не помню.

--

Как любил четвёртый: путал с мамой, с бабулей, а когда не путал, то звал, конечно, Ленулей. И смотрел испуганно, вечно боясь напортачить, и портачил, конечно — с его-то... ну, пусть удачей. И боялся людей, и прятался мне за спину, и всё время ждал, когда я его покину.

Он забыл, когда у меня именины.

--

С той поры — хотите смейтесь, хотите не смейтесь — я люблю Зойсайта и, безусловно, Снейпа. Если честно, то Снейпа намного-намного больше. И вообще — люблю мужчин литературных, киношных. А взаправдашних — ну их с этой ихней любовью.

Это ваше женское счастье... нон лицет бови.

[Страница автора в Сети](#)